

Научная специальность

12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

УДК 347.51

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.2.55>

ВИНА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ЗАПРЕТА (ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

© Сенотрусова Е. М., 2021

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Россия

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Рассматривается сущность категории вины как одного из оснований запрета (приостановления) деятельности по российскому гражданскому праву. Анализируются недостатки закрепленного в ст. 401 ГК РФ легального определения вины в связи со смешением объективистской и субъективистской концепций. На основе анализа судебной практики применения предусмотренных ст. 1065 ГК РФ мер сделан вывод о неудовлетворительном состоянии правоприменения при установлении вины в поведении лица. Исследуются памятники римского права на предмет раскрытия категории вины. Дается краткий обзор подходов к понятию вины в гражданском законодательстве ряда зарубежных стран и в Модельных правилах европейского частного права. По исследуемому вопросу приводятся позиции судов Австрии и стран англосаксонской правовой семьи. Кратко освещается разработанная Э. А. Крамером интегральная теория объективной оценки осмотрительности лиц при ведении ими любой деятельности, которая может повлечь неблагоприятные последствия для третьих лиц. В связи с особыми функциями и предназначением института ответственности в частном праве и института предупреждения причинения вреда отстает вывод о недопустимости прямого заимствования категории вины из уголовного права в право гражданское. Обосновывается необходимость применения в гражданском праве объективистской концепции вины как отступления от стандарта поведения обычного разумного участника оборота при обязательном учете индивидуальных особенностей лица. С учетом положений действующего гражданского законодательства об ответственности сделано заключение о возможности применения упрощенной схемы форм и видов вины, в том числе при решении вопроса об установлении судебного запрета. Затрагивается вопрос о соотношении вины, рассматриваемой с точки зрения объективистского подхода, и противоположности.

Ключевые слова: предупреждение причинения вреда, вина, концепции вины, запрет деятельности, приостановление деятельности, гражданско-правовая ответственность.

Вопрос о правовой природе предусмотренных ст. 1065 ГК РФ¹ мер относится к числу наиболее дискуссионных и малоизученных в гражданском праве. Одни авторы относят их к мерам защиты, указывая, что они могут применяться к лицу независимо от наличия вины и не влекут для последнего неблагоприятных последствий [6, с. 94, 115; 17, с. 8–9; 2, с. 10–11, 115], другие – к мерам ретроспективной или проспективной ответственности [18, с. 51–53].

Полное отрицание значимости вины в институте предупреждения причинения вреда, на наш взгляд, основано на узком, буквальном толковании положений ст. 1065 ГК РФ и не соответствует судебной практике и социальным

предпосылкам установления и применения соответствующих мер.

Позиция о необходимости учета вины при установлении судебного запрета в настоящее время поддерживается и иностранными юристами. Так, известно, что в немецком праве ранее преобладала позиция о возможности установления судебного запрета вне зависимости от вины ответчика. Однако, как отмечает известный специалист в области деликтного права, австрийский профессор Г. Козиол, указанное представление верно лишь тогда, когда судебный запрет не создает для ответчика серьезного обременения, сводится исключительно к требованию прекратить определенное поведение и не возлагает на последнего необходимость осуществления тех или иных расходов [20, с. 21–23]. В ряде случаев суды для установления запрета требуют доказать наличие вины создавшего угрозу лица [20, с. 23].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

В рамках разрабатываемой нами дуалистической концепции предупреждения причинения вреда соответствующие меры рассматриваются как меры ответственности либо защиты в зависимости от начала их применения в виде вины или риска. Подобная дифференциация представляется нам отвечающей как социально-правовым задачам профилактики правонарушений и недопустимости дестимулирования правомерной деятельности участников оборота, так и общеправовым принципам, в первую очередь принципу равенства. Последнее достигается посредством разграничения объема применяемых соответственно к виновному и невиновному лицам мер принуждения [11, с. 56].

Так, при наличии вины лица в создании угрозы его поведение подлежит осуждению, в связи с чем к нему применяются меры ответственности, неблагоприятные последствия которых возлагаются на него в полном объеме. В случае если возникновение угрозы причинения вреда возникло не по вине лица, приостановление или прекращение деятельности к нему применяется в качестве меры защиты. Такому лицу, в отличие от виновно действовавшего, должно предоставляться право требовать уменьшения возлагаемых на него дополнительных негативных обременений, их распределения между ним и потенциальным потерпевшим.

Обоснование дуалистической концепции требует исследования большего количества вопросов применительно к институту предупреждения причинения вреда, которые невозможно обстоятельно изложить в рамках одной статьи¹. С учетом этого в настоящей статье мы рассмотрим только один из таких вопросов, касающийся начала юридической ответственности.

Так, юридическая ответственность, будучи фундаментальной категорией правовой науки, на протяжении многих столетий продолжает оставаться предметом оживленных дискуссий² [9, с. 19–20]. Среди множества подходов наиболее обоснованными представляются классическая теоретико-правовая парадигма юридиче-

¹ Понятие мер защиты и мер ответственности, их особенности, функции и основания применения, проч.

² О. А. Кузнецова указывает на отсутствие единой методологической парадигмы при исследовании проблем гражданско-правовой ответственности, недостаточную научную и практическую ценность исследований по данной проблеме. Автор предлагает два ключевых пути выхода из сложившейся ситуации: формирование новой теоретико-правовой «концепции юридической ответственности, способной объяснить ответственность за невиновное поведение, за правомерные поступки и т. п., с изменением соответственно принципов, функций и целей ответственности» либо «формирование новой цивилистической концепции, сочетающей юридическую ответственность и иные принудительные меры, применяемые в гражданском праве». Полагаем, дуалистическая концепция предупреждения причинения вреда соответствует второму предложенному О. А. Кузнецовой варианту решения проблемы.

ской ответственности и учения отечественных цивилистов О. С. Иоффе, О. А. Красавчикова, В. А. Ойгензихта.

Исходя из указанной теоретико-методологической основы гражданско-правовой ответственности присущи следующие черты: применение или возможность применения государственного принуждения [4, с. 2]; отрицательный характер последствий [Там же, с. 17; 8, с. 190; 10, с. 58]; негативная реакция государства на поведение лица, его осуждение [13, с. 219]. Последняя черта является квинтэссенцией ответственности и предопределяет ее единственно возможное правовое основание в виде правонарушения, в котором принято выделять такие элементы, как субъект, объект, объективная и субъективная стороны правонарушения.

В свою очередь, субъективная сторона правонарушения преимущественно представлена категорией вины, которой и будет далее посвящена настоящая работа.

В цивилистике предложено множество подходов к сущности вины от ее объективизации и поглощения категорией противоправности [12, с. 254] до признания в качестве таковой психического отношения индивида к своему поведению и его последствиям [13, с. 186].

Легальное определение вины в гражданском законодательстве не может рассматриваться в качестве ориентира при решении научных проблем и нуждается в пересмотре. Так, в ст. 401 ГК РФ вина определяется через категории заботливости, осмотрительности и принятия надлежащих мер, что характерно для объективистского подхода. При определении форм вины (умысла и неосторожности) законодатель использует наработки классической субъективистской концепции. К предложенному законодателем «смешанному» подходу возникает много вопросов. Так, законодателем не раскрыта умышленная форма вины, не указаны ее интеллектуальная и волевая составляющие, ее виды. Буквальное прочтение ст. 401 ГК РФ в части указания категорий заботливости и осмотрительности позволяет говорить об отождествлении вины в целом с неосторожностью как одной из ее форм. Более того, в законе не содержится указания на конкретные виды неосторожной вины, которая может существовать либо в виде легкомыслия или небрежности, либо в виде грубой и простой формы.

Отсутствие ясности положений гражданского законодательства о формах и видах вины, необдуманное смешение законодателем противоположных теоретических подходов оказали негативное влияние на судебную практику при

разрешении споров о прекращении (приостановлении) деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем. В большинстве случаев суды либо ограничиваются предложенными высшей инстанцией формулировками о непрезюмируемости вины при применении ст. 1065 ГК РФ¹, либо вовсе не исследуют эту категорию. Изучение единичных решений, где категория вины все-таки была затронута, показывает, что вина устанавливается исходя из произвольных и зачастую неверных критериев.

Роспотребнадзор обратился в суд с требованием о запрете М. осуществлять деятельность по изготовлению продукции общественного питания на определенном объекте. Установлено, что ответчик в период с 2012 по 2014 г. неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства. Проведенной в 2015 г. проверкой установлено, что большая часть нарушений не устранена. Решением суда требования контрольно-надзорного органа удовлетворены, решение оставлено в силе судом вышестоящей инстанции.

Само по себе окончательное решение судов не вызывает нареканий, однако нельзя не отметить, что при рассмотрении этого дела суды так и не смогли раскрыть вину ответчика надлежащим образом. Так, суд указал, что «...вина ответчика заключается в том, что, несмотря на возможность соблюдения санитарных правил, эксплуатация объекта общественного питания умышленно осуществляется в прежнем режиме, с грубым нарушением санитарных правил, неся в себе угрозу причинения здоровью граждан». В решениях по делу не раскрыты ни интеллектуальный (осознание и предвидение), ни волевой (желание, сознательное допущение или безразличие) элементы вины как психического отношения лица к своему поведению, ни содержание стандартов поведения разумного человека как показатель объективистского подхода².

Поиск правильного подхода к сущности вины в институте предупреждения причинения вреда в частности и в гражданском праве в

¹ Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что поскольку ст. 1065 ГК РФ выполняет, прежде всего, превентивную функцию, вина лица, осуществляющего спорную деятельность, не презюмируется, а бремя доказывания вины ответчика лежит на истце. См., напр.: определение Верховного Суда РФ от 1 сент. 2017 г. по делу № А32-26115/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Аналогичная формулировка приводится в решениях нижестоящих судов. См., напр.: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2011 по делу № А60-42071/2010 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2015 по делу № А60-394/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

целом был бы неполным без обращения к римскому праву как к фундаментальному источнику ряда правовых институтов современных правовых систем.

Так, в римском праве под виной (*culpa*) понималось несоблюдение того поведения, которое требуется правом [15, с. 388]. Грубая вина имела место тогда, когда лицо не проявило ту меру заботливости, которую можно требовать от всякого, или, иными словами, это непонимание того, что все понимают. К примеру, D.9.2.30.3 гласила, что вина лица в случае пожара оценивается исходя из того, сделало ли лицо все, что считается нужным в такой ситуации [3, с. 421].

О легкой вине или вине по абстрактному (отвлеченному) мерилу говорили в случае, если лицом не проявлена мера заботливости, присущая доброму хозяину или заботливому главе семьи, – поведение сравнивалось с повышенным стандартом заботливости и осмотрительности, присущим не всякому участнику оборота, а наиболее добросовестному и заботливому.

В свою очередь, *culpa in concrete*, т. е. вина, определяемая по конкретному мерилу, предполагала, что должником не соблюдена та мера заботливости, которую он проявляет в своих собственных делах (например, D.17.2.7.2 применительно к отношениям между членами товарищества).

Из изложенного можно заключить, что римское право рассматривало вину как категорию объективную [Там же; 14, с. 438]. Аналогичный подход прослеживается и во многих современных зарубежных правовых порядках.

Так, исходя из положений § 276 BGB, немецкий законодатель выделяет две формы вины: умысел (*Vorsatz*) и неосторожность (*Fahrlässigkeit*). Категория умысла остается не раскрытой законодателем. В свою очередь, неосторожность понимается как пренебрежение обычной в обороте заботливостью³, несоответствие поведения лица общим для всех обязанностям, принятие необходимых в общении мер осмотрительности [7, с. 248].

В § 1297 Австрийского гражданского уложения также отражена объективистская концепция вины: участник оборота вправе полагаться на то, что каждый, кто обладает рассудком, способен к такой степени заботливости и осмотрительности, которая может быть соблюдена лицом с обычными способностями; тот, чье поведение не соответствует общему уровню осмотрительности и внимательности, несет

³ German Civil Code. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0679 (дата обращения: 17.08.2020).

виновную ответственность в случае причинения вреда¹.

Верховный Суд Австрии указал, что причинитель вреда может быть освобожден от ответственности, если докажет, что он принял все меры предосторожности, которые разумно требовались (ожидались) от него с позиции гражданского оборота².

При этом важно иметь в виду, что в судебной практике общий стандарт поведения применяется только для оценки усилий и внимательности лица, а для оценки физической подготовки и опыта учитываются индивидуальные особенности субъекта. Учет индивидуальных особенностей лица, как представляется, не приводит к психологическому пониманию вины, а лишь обогащает объективистский подход и обеспечивает его согласованность с принципом справедливости в части соответствия применяемых мер принуждения личности нарушителя.

Обращение к судебной практике стран англосаксонской правовой системы также позволяет сделать вывод о преобладании в указанных правопорядках объективистского подхода к категории вины.

Так, достаточно известным считается решение английского судьи Олдерсона по спору о возмещении ущерба, причиненного прорывом трубы. Судья указал, что «небрежность – это либо несовершенство того, что совершил бы при схожих обстоятельствах каждый разумный человек, либо совершение чего-то, что сообразительный и разумный человек не стал бы делать. Ответчики могли бы понести ответственность за небрежность, если бы не сделали того, что сделал бы разумный человек, или сделали то, чего не сделал бы человек, принимающий разумные меры предосторожности. Разумный человек действовал бы со ссылкой на средние условия температуры в обычные годы. <...> Они не могут нести ответственность за то, что принятые ими разумные и обычно требуемые меры предосторожности оказались недостаточными

против последствий чрезвычайно сильных морозов...»³.

Значимым также является дело *Vaughan v Menlove* (1837). Ответчик, разместивший стог сена недалеко от построек соседа, несмотря на многочисленные предостережения о возможном самовозгорании стога, не предпринял надлежащих мер для предотвращения пожара. В результате самовозгорания сена пожаром уничтожены два строения на участке истца. Ответчик, не признавая требования соседа о возмещении причиненного пожаром ущерба, полагал, что его действия должны оцениваться с точки зрения не стандарта обычного благоразумия, а с учетом его личных умственных и интеллектуальных способностей⁴. Суд не согласился с этим и указал, что представления конкретного человека о том, что является разумным и добросовестным, могут быть излишне изменчивыми и неопределенными, а следовательно, не могут являться критерием при установлении вины лица. В качестве такого критерия следует принимать такой уровень осмотрительности и заботливости, какую всякий благоразумный человек проявил бы при схожих обстоятельствах (стандарт разумного человека или тест на разумность, *reasonable man test*)⁵.

Схожий подход отражен в Модельных правилах европейского частного права при раскрытии неосторожной формы вины. Так, согласно ст. 3:102 лицо причиняет юридически значимый вред по неосторожности, если оно не проявляет такой степени заботливости или осторожности, которую можно было бы ожидать при данных обстоятельствах от лица, действующего с разумной осторожностью. При раскрытии умышленной формы вины здесь используется субъективистский подход, однако в несколько усеченном виде, поскольку во внимание принимается только намерение лица и осознание им характера своих действий и их последствий (лицо действует «с намерением причинить вред», «сознавая, что такой вред... будет причинен»).

Небольшой сравнительно-правовой анализ показывает преобладание объективистского подхода к пониманию неосторожной вины и одновременно подтверждает сложность определения сущности умысла – не только отечествен-

¹ Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch. URL: [² OGH 19.12.2000 1 Ob 93/00h Bundeskanzleramt Österreich RIS-Justiz RS0114720. URL: \[https://rdb.manz.at/document/ris.just.JJT_20001219_OGH0002_0010OB00093_00H0000_000\]\(https://rdb.manz.at/document/ris.just.JJT_20001219_OGH0002_0010OB00093_00H0000_000\) \(дата обращения: 19.08.2020\).](https://www.ris.bka.gv.at/eli/jgs/1811/946/P1297/NOR12019039?ResultFunctionToken=a98c2d3d-6000-4c39-9d024909c49cceb3&Position=1101&Abfrage=Bundesnormen&Kundmachungsorgan=&Index=&Titel=&Gesetzesnummer=&VonArtikel=&BisArtikel=&VonParagraf=&BisParagraf=&VonAnlage=&BisAnlage=&Typ=&Kundmachungsnummer=&Unterzeichnungsdatum=&FassungVom=09.08.2020&VonInkrafttrededatum=&BisInkrafttrededatum=&VonAusserkrafttrededatum=&BisAusserkrafttrededatum=&NormabschnittnummerKombination=Und&ImRisSeitVonDatum=&ImRisSeitBisDatum=&ImRisSeit=Undefined&ResultPageSize=100&Suchworte=Allgemeines+bürgerliches+Gesetzbuch (дата обращения: 17.08.2020).</p>
</div>
<div data-bbox=)

³ (1856) 11 Exch 781, 156 ER 1047, [1856] EWHC Exch J65. URL: <https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Exch/1856/J65.html> (дата обращения: 19.08.2020).

⁴ Ответчик в своей жалобе указал, что он не должен нести юридическую ответственность за то, что он не обладает высоким уровнем интеллекта. См.: Там же.

⁵ 132 Eng. Rep. 490, Jan. 23, 1837 [S. C. 4 Scott, 244; 3 Hodges, 51; 6 L. J. C. P. 92; 1 Jur. 215; at Nisi Prius, 7 Car. & P. 525.] URL: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/2631> (дата обращения: 21.08.2020).

ный, но и зарубежные законодатели отказываются от его определения.

Для решения поставленной проблемы предлагаем обратиться к некоторым идеям профессора Э. А. Крамера, сделавшего значимый вклад в разработку объективистской концепции вины.

Э. А. Крамер обосновывает необходимость разведения категорий вины в гражданском и уголовном праве отличием их функций и предназначения. Так, если в уголовном праве субъективистский подход к вине обусловлен, прежде всего, необходимостью реализации функции превенции, то объективистский подход в гражданском праве – необходимостью решения вопроса «о справедливом устранении вреда в условиях общежития» [7, с. 245].

Цивилистическое начало вины, как замечает Э. А. Крамер, пережило смену предназначения с «индивидуалистического, уголовно-превентивного характера на значение основы, одной из прочих, для определения социально справедливого имущественного возмещения», которое, в свою очередь, предопределяется соответствием или несоответствием поведения лица принятой им на себя социально-правовой роли [7, с. 246]. Как в договорном, так и в деликтном праве участники оборота, вступая в отношения, имеют обусловленные общественной жизнью «ожидания в отношении человека ввиду той роли, в которой он выступает» [Там же, с. 256]. Если участник оборота не соответствует ролевому ожиданию и общественно предписанной ему программе действий [19, с. 77], то он должен нести неблагоприятные последствия своего поведения.

Представляется, что разрабатываемая Э. А. Крамером концепция справедлива, согласуется с законодательством многих стран, основанным как раз-таки на необходимости оправдания разумных ожиданий участников гражданского оборота (защита разумных ожиданий проходит красной нитью и в отечественном законодательстве, например п. 2 ст. 51, п. 5 ст. 166 ГК РФ), и позволяет обосновать объективный масштаб вины в рамках института предупреждения причинения вреда.

С учетом изложенного верен вывод, что в гражданском праве в целом и при установлении судебного запрета в частности поведение лица должно рассматриваться не с точки зрения его самого, его внутренних убеждений и системы ценностей как личности, а с точки зрения потребностей и ожиданий гражданского оборота. Частное право принимает во внимание личность и ее психические переживания и мотивы только тогда, когда это указано законом или требуется с учетом сложившейся судебной прак-

тики (например, при компенсации морального вреда), в остальных случаях человек рассматривается здесь как участник экономического оборота, обязанный соотносить свое поведение с некими стандартами и требованиями добросовестности и разумности. Напротив, при применении уголовного законодательства решающую роль играет психический статус лица, его виновность, цели и мотивы, субъективно-личностные характеристики [12, с. 253].

Кроме того, применение субъективистского подхода в сфере гражданского права чревато необоснованным уклонением недобросовестных лиц от ответственности либо возможностью необоснованного снижения размера такой ответственности, иным нарушением баланса интересов потерпевшего (кредитора) и причинителя (должника) в пользу последнего.

Стоит обратить внимание и на особенности характера тех или иных видов уголовного наказания и гражданско-правовых мер принуждения. Первые носят преимущественно личный характер и воздействуют на саму личность, ее свободу и естественные права. В гражданском праве применяемые меры, как правило, носят либо сугубо имущественный характер, либо затрагивают статус лица и его приобретенные, признанные государством, права (например, запрет деятельности акционерного общества по решению суда как ограничение права его учредителей на осуществление экономической деятельности).

Немаловажной, хотя и неопределяющей, является и особенность легального определения вины в ГК РФ и УК РФ соответственно: если в уголовном праве определение вины и виновности построено на сугубо субъективном подходе, то в гражданском они выводятся преимущественно из таких категорий, как заботливость, осмотрительность и принятие необходимых мер (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Объективный масштаб к вине выражен и в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств»¹, согласно которому «...в обоснование отсутствия умысла должником... могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности». Изложенное, безусловно, должно быть учтено при рас-

¹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) // БВС РФ. 2016. № 5.

крытии сущности вины в целях установления судебного запрета.

На наш взгляд, в гражданском праве в целом и в отношениях по предупреждению причинения вреда в частности должна применяться объективистская концепция вины как отступления от стандарта поведения обычного разумного участника оборота, но с учетом некоторых индивидуальных особенностей обязанного лица. По данному вопросу следует согласиться с мнением В. А. Белова о том, что при определении стандарта или среднего типа поведения следует учитывать такие особенности субъекта, как его возраст, образование, профессиональные навыки, состояние здоровья [1, с. 416] и др.

При этом поскольку в гражданском праве «...ни квалификация правонарушения, ни объем имущественной ответственности... от степени виновности не зависят...» [5, с. 19], для него требуется более упрощенная схема форм и видов вины с выделением только умысла и неосторожности, а в ряде случаев допустимо говорить только о вине в целом без выделения ее форм. Так, не имеет значения, желало ли лицо, допустившее многочисленные нарушения строительных требований при возведении многоэтажного строения, возникновения угрозы причинения вреда проживающим на соседнем участке лицам, либо лишь допускало это, или относилось к этому безразлично¹.

В приведенных случаях нет необходимости ориентироваться на внутренние психические процессы нарушителя. Попытка такого обращения к интеллектуальной и волевой сферам лица приведет к тому, что *de facto* вина будет определяться через соответствие поведения лица неким стандартам, а критерии осознания, предвидимости, желания, допущения или безразличного отношения будут лишь *предписываться*, но не *устанавливаться*. Так, в случае рассмотрения спора о возмещении причиненного вреда здоровью, судья делает вывод об умысле лица отнюдь не на основании изучения его психических особенностей, желаний и мотивов, а на основании того, что всякий разумный человек осведомлен о возможных последствиях удара ножом по телу человека и о недопустимости таких действий в условиях человеческого общежития.

¹ Представляется, что объективистская концепция обнаруживает себя и при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел, прежде всего, речь идет о преступлениях, совершенных по неосторожности и связанных с несоблюдением требований безопасности. См., напр.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 дек. 2008 г. № 25; ред. от 24.05.2016. П. 6 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Суды при рассмотрении гражданских дел, указывая на понимание умысла с точки зрения субъективистского подхода, зачастую проводят сравнение конкретных действий лица и общего стандарта поведения при схожих обстоятельствах, что характерно для объективистской концепции вины.

Так, при рассмотрении требования ООО «Согласие» к арбитражному управляющему К. о взыскании ущерба в связи с неприятием последним мер по оспариванию сделки зачета суды пришли к выводу о необходимости установления формы вины ответчика. Суд определил сущность умысла через осознание лицом последствий своих действий и желание их наступления. Далее для установления формы вины суд провел анализ конкретных действий ответчика при ведении процедуры банкротства, по сути сравнивая их со стандартом поведения добросовестного и разумного арбитражного управляющего. Так, суд учел осуществление ответчиком значительного объема истребованной на истребование в пользу должника кредиторской задолженности в целях пополнения конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов, а также наличие положительного результата большей части проведенной им работы. Учитывая, что ответчиком была проявлена более чем минимальная степень заботливости и осмотрительности, суд пришел к выводу об отсутствии в действиях К. умысла².

Безусловно, в этом случае можно принять некую интегративную позицию, согласно которой вина суть психическое отношение лица к своим действиям (бездействию) и их последствиям, а ее установление должно осуществляться путем анализа объективных критериев в виде поведения лица, общепринятых стандартов поведения и проч. Однако такой подход представляется излишне усложняющим исследуемые категории без действительной на то необходимости и по сути не влияющим на сущность процедуры установления вины лица (вспоминается принцип «бритвы Оккама» и прием «смены вывесок»).

В этой связи представляются верными замечания Ф. Эндеманна и Ф. Хека о том, что умысел отличается от неосторожности лишь степенью нарушения стандартов поведения и состоит в наивысшей степени нарушения мер заботливости и осмотрительности, соблюдение которых требовалось от должника³ [16].

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.01.2017 № Ф04-5961/2016 по делу № А46-13176/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Historisch-kritischer Kommentar zum BGB // M. Schmoeckel, J. Ruckert, R. Zimmermann (Hrsgs.). Bd. II. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. S. 1148.

Безусловно, объективистский подход требует обоснования демаркационной линии между виной и противоправностью. Не вдаваясь в рамках настоящей статьи в полемику о содержании противоправности, отметим, что в общих чертах их соотношение может быть представлено следующим образом. Для установления противоправности поведение лица сопоставляется с действующими и применимыми к данным отношениям правовыми нормами. В свою очередь, для установления вины как объективной категории поведение лица сопоставляется со стандартом поведения среднестатистического добросовестного лица, разумно ожидаемого другими участниками оборота. Наполнение этого стандарта осуществляется судом с учетом требований законодательства, сложившихся судебной практики и общественных отношений; кроме того, суд принимает во внимание индивидуальные особенности лица (возраст, состояние здоровья, опыт, наличие специальных знаний), которые могут либо повышать, либо понижать общепринятый стандарт поведения применительно именно к этому лицу.

Таким образом, при объективистском подходе к категории вины отождествления вины и противоправности не происходит. Более того, представляется, что при формальном и поверхностном использовании психологического подхода при рассмотрении гражданских дел опасность отождествления вины с противоправностью более реальна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт, 2016. 525 с.
2. Гусева Е. А. Предупреждение причинения вреда вследствие деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, по гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 189 с.
3. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 2. М. : Статут, 2003. 622 с.
4. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. 310 с.
5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1954. 38 с.
6. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и ответственности в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 180 с.
7. Крамер Э. А. Начало общего всем вменения в деликтном и договорном праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 236–262. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-236-262>.
8. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. 200 с.
9. Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex russica. 2017. № 5. С. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023>.
10. Лукьянцев А. А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском

законодательстве России: теория и судебная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2006. 384 с.

11. Малейн Н. С., Шиминова М. Я. Эффективность предупреждения правонарушений, возникающих из причинения вреда // Проблемы искоренения правонарушений в СССР : тез. докл. науч. конф. М., 1971. С. 54–60.
12. Мартиросян А. Г. Соотношение вины и риска в гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 7. С. 250–260.
13. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. 225 с.
14. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 608 с.
15. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2016. 608 с.
16. Старцева Ю. В. Принцип вины и ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности // Опыты цивилистического исследования : сб. ст. / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М., 2019 // Консультант-Плюс : справочная правовая система.
17. Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 197 с.
18. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 1998. 349 с.
19. Heck Philipp. Grundriß des Schuldrechts. Tübingen, 1929. S. 492.
20. Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. 2015. P. 914.

REFERENCES

1. Belov V.A. *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil right. Actual problems of theory and practice]. Vol. 2. Moscow, Yurait, 2016. 525 p. (in Russian)
2. Guseva E.A. *Preduprezhdenie prichineniya vreda vsledstvie deyatel'nosti, predstavlyayushchei povyshennuyu opasnost' dlya okruzhayushchikh, po grazhdanskomu pravu* [Prevention of harm caused by activities that pose an increased danger to others, under civil law]. *Cand. sci. diss.* Moscow, 2014. 189 p. (in Russian)
3. *Digesty Yustiniana* [Digests Of Justinian]. *Perevod s latinskogo.* *Otv. red. L.L. Kofanov.* Vol. II, Moscow, 2003, 622 p. (in Russian)
4. Ioffe O.S. *Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Responsibility on the Soviet civil law]. Leningrad, 1955, 310 p. (in Russian)
5. Ioffe O.S. *Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Responsibility on the Soviet civil law]. *Cand. sci. diss. abstr.* Leningrad, 1954. 38 p. (in Russian)
6. Karkhalev D.N. *Sootnoshenie mer zashchity i otvetstvennosti v grazhdanskom prave* [Correlation of protection and liability measures in civil law]. *Cand. sci. diss.* Ekaterinburg, 2003. 180 p. (in Russian)
7. Kramer E.A. *Nachalo obshchego vsem vmeneniya v deliktном i dogovornom prave* [Beginning of General imputation in tort and contract law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2020, vol. 1, pp. 236-262. (in Russian) <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-236-262>.
8. Krasavchikov O.A. *Vozmeshchenie vreda, prichinnenogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation for damage caused by a source of increased danger]. Moscow, 1966. 200 p. (in Russian)
9. Kuznetsova O.A. *Problemy ucheniya o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti* [The problem of the doctrine of civil liability]. *Lex russica*, 2017, vol 5, pp. 11-23. (in Russian) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023>.
10. Luk'yantsev A.A. *Otvetstvennost' pri osushchestvlenii predprinimatel'skoi deyatel'nosti v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossii: teoriya i sudebnaya praktika* [Responsibility for business activity in the civil legislation of Russia: theory and judicial practice]. *Cand. sci. diss.* Rostov-na-Donu, 2006. 384 p. (in Russian)
11. Malein N.S., Shiminova M.Ya. *Effektivnost' preduprezhdeniya pravonarushenii, voznikayushchikh iz prichineniya vreda* [Effectiveness of prevention of offenses arising from the cause of harm]. *Problemy iskoreneniya pravonarushenii v SSSR: tezisy dokladov na nauchnoi konferentsii.* Moscow, 1971, pp. 54-60. (in Russian)
12. Martirosyan A.G. *Sootnoshenie viny i riska v grazhdanskom prave* [The relation of guilt and risk in civil law]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoi Federatsii*, 2010, vol. 7, pp. 250-260. (in Russian)
13. Oigenzikh V.A. *Problema riska v grazhdanskom prave* [The problem of risk in civil law]. Dushanbe, 1972, 225 p. (in Russian)

14. *Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana* [Monuments of Roman law: the laws of the 12 tables. Gaia Institutions. Digests Of Justinian]. Moscow, Zertsalo, 1997. 608 p. (in Russian)

15. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Pod red. I.B. Novitskogo, I.S. Pereterskogo. Moscow, 2016, 608 p. (in Russian)

16. Startseva Yu.V. Printsip viny i otvetstvennost' za vred, prichinennyi istochnikom povyshennoi opasnosti [The principle of guilt and responsibility for harm caused by a source of increased danger]. *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statei / otv. red. A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov*. Moscow, 2019. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus». (in Russian)

17. Stoyakin G.Ya. *Mery zashchity v sovetskom grazhdanskom prave* [Protection measures in Soviet civil law]. Cand. sci. diss. Sverdlovsk, 1972, 197 p. (in Russian)

18. Khokhlov V.A. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za narushenie dogovora* [Civil liability for breach of contract]. Cand. sci. diss. Samara, 1998, 349 p. (in Russian)

19. Heck Philipp. *Grundriß des Schuldrechts*. Tübingen, 1929, s. 492. (in German)

20. Koziol H. *Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective*. 2015, p. 914. (in English)

the legal definition of guilt stipulated in article 401 of the civil code of the Russian Federation due to the mixing of objectivist and subjectivist concepts. Based on the analysis of the judicial practice of the application of Article 1065 of the Civil Code of the Russian Federation, a conclusion was made about the unsatisfactory state of law enforcement in establishing guilt in a person's behavior. Monuments of Roman law are studied for the purpose of revealing the category of guilt. A brief overview of approaches to the concept of guilt in the civil legislation of a number of foreign countries and in the Model rules of European Private Law is given. The positions of the Supreme Court of Austria and the countries of the Anglo-Saxon legal family are given on this issue. The article briefly covers the integral theory developed By E. A. Kramer for the objective assessment of individuals' discretion in conducting any activity that may entail adverse consequences for third parties. In connection with the special functions and purpose of the Institute of responsibility in private law and institute for the prevention of harm, the conclusion is defended that it is unacceptable to directly borrow the category of guilt from criminal law to civil law. The article substantiates the need to apply the objectivist concept of guilt in civil law as a deviation from the standard of behavior of an ordinary reasonable participant in the turnover, taking into account individual characteristics of a person. Taking into account the provisions of the current civil legislation on liability, a conclusion was made about the possibility of applying a simplified scheme of forms and types of guilt, including when deciding on the establishment of an injunction. The question of the ratio of guilt, considered from the point of view of the objectivist approach, and wrongfulness is touched upon.

Keywords: prevention of harm, guilt, guilt in civil law, prohibition of activity, suspension of activity, injunction, civil liability.

Guilt as One of the Grounds for the Prohibition (Suspension) Activities on the Russian Civil Law

© Senotrusova E. M., 2021

The article considers the essence of the category of guilt as one of the grounds for prohibiting (suspending) activities under Russian civil law. The article analyzes the shortcomings of